

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

УДК 811.111'23

«ЗАКРЫТОСТЬ» ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА И ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ СЛОВА⁷

Е.М. Масленникова

Тверской государственной университет, Тверь

Конструируемая в художественном тексте действительность, становясь его текстовым Миром, предполагает установление особых отношений между текстом и его читателем, когда тот «верит» в реальность описываемых событий, благодаря чему поддерживается иллюзорность Мира текста и реалистичность представленных в нём персонажей. Развёртывание текстового Мира происходит с опорой на личностный опыт читателя, что в случае перевода как двуязычной текстовой опосредованной коммуникации зависит от (не)включённости переводчика в соответствующий социально-культурный контекст.

Ключевые слова: перевод, лингвокультура, комментарий.

Художественный перевод имеет осложнённый характер, так как переводчик выбирает средства, стратегии и способы, которые являются необходимыми для «перенесения» оригинала и воплощённых в нём ценностей в систему другой культуры. Специфика конкретного языка и культуры привносит свои особенности (лингвистические, экстралингвистические, прагматические) в межкультурное общение.

Как писал М.М. Бахтин, проникновение читателя в текст «сочетается с сохранением дистанции (своего места), обеспечивающей избыток познания» [1: 205]. Увеличивающаяся временная дистанция между автором и читателем придаёт художественному тексту полужакрытый характер [7], но «когда коммуниканты придают особое значение правильности интерпретации (пониманию) письменного сообщения, письменные тексты всегда содержат дополнительные сведения, облегчающие адресату восстановление структуры» коммуникативного акта [9: 101]. Художественный текст практически всегда оказывается изначально избыточным, так как цель его автора – быть правильно понятым «своим» читателем.

А. Вежбицкая [2] определяет словарный состав языка как ключ к этносоциологии и психологии культуры, отмечая, что ключевые для определённой культуры слова вбирают в себя и аккумулируют её ядерные ценности. Ю.М. Лотман подчёркивает, что «быт, в символическом клю-

⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-04-00554 («Русская литература в современном мире: перевод как восприятие и восприятие перевода»).

че, есть часть культуры» [4: 11]. Одной из задач, стоящих перед переводчиком художественной литературы, будет определить движение подсистем внутри социально-значимых смыслов, закладываемых автором в текст, а также очертить границы (не)допустимого смыслового варьирования и найти соответствующие необходимые языковые средства для реконструкции Мира оригинала для вторичного читателя. Для переводчика как первичного читателя оригинала особую трудность представляют тексты, отстоящие от него на некоторой пространственно-временной дистанции. Переводчик должен подобрать языковые средства таким образом, чтобы не нарушить иллюзорную реальность переводимого текста и его связи с фрагментами реальной действительности. При определении объёма допустимых преобразований как «вмешательств» в оригинал со стороны переводчика требуется не нарушить авторский замысел и не исказить парадигму текстовых смыслов. Объём передаваемого при переводе зависит также от «пропускной» способности потенциального вторичного читателя.

Цель статьи – проследить степень влияния пространственно-временной дистанции, разделяющей автора и переводчика, на получаемый вторичный текст с точки зрения потенциальной открытости / закрытости оригинала для понимания и ре-интерпретации. Рассмотрим положение о «закрытости» художественного текста и особенностях переводческой актуализации СЛОВА на примере переводов романа в стихах «Евгений Онегин» (1823–31, полностью – 1833) А.С. Пушкина (1799–1837). В настоящий момент сосуществуют 43 перевода пушкинского романа на английский язык: первый перевод был опубликован в 1881 году, а последний – в 2011 году.

Итак, смирившись со своей судьбой, мать Татьяны Лариной из романа «Евгений Онегин» стала вести размеренную жизнь провинциальной помещицы и рачительной хозяйки. Выражение *брила лбы* связано с существовавшей помещичьей практикой отдавать крестьян в солдаты: до устава о воинской повинности 1874 года рекрутам наголо выбривали переднюю часть головы, о чём сообщает в комментариях к своему переводу Г. Сполдинг («The serfs destined for military service used to have a portion of their heads shaved as a distinctive mark»). Один из первых переводчиков пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин» (1881) на английский язык Г. Сполдинг / Henry Joseph Spalding (1840–1907) был профессиональным военным, поэтому он использует существительное *a crown* в значении ‘макушка, темя’ (ср. с английским выражением *break sb's crown* ‘разбить кому-либо голову, проломить череп’). Современный переводчик Дж. Фален / James E. Falen (p. 1935) выбрал существительное *shirker* со значением ‘человек, увиливающий, уклоняющийся от работы, ответственности’. Перевод М. Хобсон / Mary Hobson (p. 1926) порождает поведенческую лауну: *shaved foreheads*

(буквально 'брила лбы'). Б. Симмонс / Bayard Simmons (р. 1906) даёт перевод-объяснение: *Each serf sent to the army meekly yields* (1950). Г. Леджер / Gerard R. Ledger оставляет *shaved those recruited* (2001). С.Н. Козлов опубликовал в 1994 году перевод «Евгения Онегина», где передал пушкинское *брила лбы* как *punished men*.

*Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила в баню по субботам...*

А.С. Пушкин. Евгений Онегин

*Mushrooms for winter salted down,
Kept the accounts, shaved many a crown,
The bath on Saturdays attended...*

A. Pushkin. Eugene Onéguine
(Translated by H. Spalding, 1881)

*She prickled mushrooms for the fall,
She made her weekly bathhouse call,
She kept the books, she shaves the shirkers...*

A. Pushkin. Eugene Onegin
(Translated by James E. Falen, 1990)

*She salted mushrooms, punished men,
She kept accounts; always then
On Saturdays they bath were serving...*

A.S. Pushkin. Eugene Onegin
(Translated by S.N. Kozlov, 1994)

*Salted the mushrooms for the winter,
Kept her accounts, shaved those recruited,
On Saturdays went to the bathhouse...*

A. Pushkin. Yevgeny Onegin
(Translated by G.R. Ledger, 2001)

*Shaved foreheads, salted mushrooms, ran
The accounts, liked nothing better than
The bath-house on a Saturday...*

A. Pushkin. Evgenii Onegin
(Translated by M. Hobson, 2011)

Ориентируясь на такой параметр оценки качества текста перевода, как степень его читабельности для вторичного читателя, во введении к «своему» «Eugene Onegin» Р. Кларк пишет о необходимости передавать значение, а не слова («the need to re-express the meaning, not just the words, of the original»). Для достижения максимальной читабельности переводчик выбрал вариант: *she selected serfs for military service* (буквально 'она отбирала крепостных для воинской службы').

... she prickled mushrooms for the winter; she kept the accounts; she selected serfs for military service; she visited the bath-house every Saturday... A.S. Pushkin. Eugene Onegin (Translated by R. Clarke, 2005)

Л. Венути [11] пишет о сложившейся в современном англо-американском издательском мире традиции требовать от перевода беглости чтения («when it reads fluently»), лёгкости восприятия (fluency) и читабельности (readability), когда перевод читается и воспринимается принимающей аудиторией так, как будто бы автор оригинала сразу писал на языке перевода. Какая форма для пушкинской характеристики госпожи Лариной о том, что она *ходила в баню по субботам*, обеспечит высокий уровень читабельности для англоязычной аудитории и одновременно с этим окажется культурно окрашенной, став символическим ключом (по Ю.М. Лотману) к описанию русского быта: *Sunday bath* (Ch. Johnston), *weekly bathhouse call* (James E. Falen) или *banya* (O. Emmet, S. Makourenkova)? Б. Симмонс (1950) не говорит о привычке русских посещать баню. Форма *banya* в переводе, совместно выполненном О. Эммет и С.А. Макуреновой, вызвана использованием стратегии фореми-

зации, предполагающей максимальное сохранение культурно-языковых особенностей оригинала, несмотря на возможные нарушения норм и правил переводящего языка.

*She salted mushrooms 'gainst the winter's night;
She superintended labour in the fields;
Each serf sent to the army meekly yields...*

A. Pushkin. Evgenii Onegin
(Translated by Bayard Simmons, 1950)

*Mushrooms in brine, for winter eating,
fieldwork directed from the path,
accounts, shaved forelocks, Sunday bath;*

A.S. Pushkin. Eugene Onegin
(Translated by Ch. Johnston, 1977)

*For winter salted mushrooms save,
Keep the books, and foreheads shave,
Saturday, banya, to soak clean...*

A. Pushkin. Eugene Onegin (Translated
by O. Emmet, S. Makourenkova, 2007)

*She salted mushrooms, punished men,
She kept accounts; always then
On Saturdays they bath were serving...*

A.S. Pushkin. Eugene Onegin
(Translated by S.N. Kozlov, 1994)

Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры и патриархальный быт русского провинциального дворянства начала XIX века показаны в строфе XXXV пушкинского романа, где поэт воспекает *привычки милой старины с блинами на масленицу*, с чинопочитанием за столом, за которым подают домашний *квас*. Трудность работы с данной строфой, насыщенной культурно-специфичными реалиями и связанными с ними смыслами, обусловлена тем, что в прижизненных изданиях романа «Евгений Онегин» строки, где упоминается церковная служба на Троицу, были пропущены по цензурным соображениям, поэтому Ч. Джонстон (1977) также их пропускает. Поскольку строфа XXXV существует в двух редакциях (полной и сокращённой), остальные переводчики, очевидно, работали по более поздним изданиям и восстановили пропущенные строки. Слово *blin* вошло в сферу английского языка в XIX веке, получив форму множественного числа в виде *blini*, *bliny* или *blinis* [12]. Переводчики актуализируют выражение *русские блины* по-разному: как *Russian pancakes* (H. Spalding; Ch. Johnston; James E. Fallen; G.R. Ledger), просто *pancakes* (M. Hobson), *the fattest Russian blins* (S.N. Kozlov) и как *blinii* (O. Emmet, S. Makourenkova).

*У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод;
В день Троицын, когда народ,
Зевая, слушает молебен,
Умильно на пучок зари
Они роняли слёзки три;
Им квас как воздух был потребен,
И за столом у них гостям
Носили блюда по чинам.*

A.C. Пушкин. Евгений Онегин

*Strictly the Carnival observed,
Ate Russian pancakes at Shrovetide,
Twice in the year to fast were bound,
Of whirligigs were very fond,
Of Christmas carols, song and dance;
When people with long countenance
On Trinity Sunday yawned at prayer,
Three tears they dropt with humble mein
Upon a bunch of lovage green;
Kvass needful was to them as air;
On guests their servants used to wait
By rank as settled by the State.*

A. Pushkin. Eugene Onéguine
(Translated by H. Spalding, 1881)

Г. Сполдинг указывает, что блины / *Russian pancakes* употребляются в пищу преимущественно представителями низших слоёв русского общества только на масленицу / *the Carnival*, а в остальное время года очень трудно найти и попробовать это блюдо в больших городах. В своей известной четырёхтомной работе «Eugene Onegin: A Novel in Verse» (1964) билингв В.В. Набоков [10] обсуждает возможности английского языка относительно передачи отдельных слов, словосочетаний и выражений из романа А.С. Пушкина. Реалию *блины* В.В. Набоков попытался объяснить через отсылку к *blintz* из кухни американских евреев, указав, что *blintz* – форма от уменьшительно-ласкательного русского слова, звучащего как *blinets*. В.В. Набоков рассказывает о русской традиции сервировки блинов с икрой или сметаной.

В комментариях к «Евгению Онегину» Ю.М. Лотман [4; 5] указывает, что *круглые качели* – это качели типа «чёртова колеса», приводимые в работу вручную. Английский переводчик XIX века Г. Сполдинг выбирает слово *whirligig* ‘карусель’ как ближайший аналог, хотя английский аттракцион *whirligig* работает по иному принципу. Кроме этого, Сполдинг указывает на какую-то детскую любовь русских крестьян к этому виду масленичных развлечений («The Russian peasants are childishly fond of whirligigs, which are also much in vogue during the Carnival»). Что касается упоминаемых *подблюдных песен*, то Сполдинг сразу отмечает непереводаемость этого выражения («“Christmas Carols” is not an exact equivalent for the Russian phrase») и далее пытается описать традицию исполнения *подблюдных песен* на Святки, увлечение русских ворожкой / *divination, superstitious practice*. Многие английские авторы XIX века часто отмечали парадоксальное сосуществование в русских людях таких черт как религиозность и суеверность (см.: [6]).

Большинство переводчиков романа «Евгений Онегин» предпочитает передать *чин* с помощью эквивалента *rank*. Сполдинг по причине своей службы при английском посольстве в Санкт-Петербурге был знаком с системой чинов и традицией чиновничества как важной части жизни русского дворянства. Сполдинг оставляет слово *tchin*, знакомое англичанам XIX века [12], и рассказывает в своих комментариях о сложившейся в русском обществе социальной и сословной иерархии.

Сохранность ритуалов поведения, календарных обрядов и бытовых суеверий, т.е. этнографических сведений, а самое главное объяснение их национальной специфики, является необходимой частью художественного перевода, но, вместе с тем, и самым трудным. С одной стороны, переводчик принимает на себя функцию наблюдателя над Миром текста, при этом он не имеет права вмешиваться в него, исправляя представленные в нём события и отношения. С другой стороны, переводчик (пере)устанавливает систему текстовых и внутритекстовых отношений относительно выбранной системы координат (временных, простран-

венных и т.д.). Например, существует ли зона пересечения для *масленицы жирной* и *the Carnival* (H. Spalding), так как *the Carnival* как 'масленица' отмечается в католических странах? Или лучшим соответствием будет слово *Shrovetide* 'масленица' (James E. Fallen; R. Carre; M. Hobson), за которым стоит праздник, отмечаемый три дня в отличие от русской *масленицы*, которая продолжается целую неделю с понедельника по воскресенье? В других переводах пушкинского романа есть вариант *Butterweek* (Ch. Johnston; O. Emmet, S. Makourenkova).

Трудность у переводчиков романа «Евгений Онегин» на английский язык вызывает описание народной традиции, связанной с *Троицыным днём*. Итак, на какой *пучок зари* роняли слёзы в церкви? Даже для современного русскоязычного читателя требуется лингвострановедческий и лингвокультурный комментарий для выражения *пучок зари*. Ю.М. Лотман [4; 5] пишет, что этот обычай был связан с сельскохозяйственной магией и народной медициной, приписывающей целебное действие отдельным травам. Ссылаясь на материалы А.Б. Зерновой по сельскохозяйственной магии, опубликованные в 1932 году, Ю.М. Лотман указывает, что в Дмитровском крае *зарёй* называли пучок берёзовых веток. Г. Сполдинг объясняет свой выбор *a bunch of lovage green* (*lovage* 'любисток лекарственный'): «“Lovage,” the *Levisticum officinalis*, is a hardy plant growing very far north, though an inhabitant of our own kitchen gardens». Ссылаясь на «Толковый словарь живого великорусского языка» В.В. Даля, В.В. Набоков считает выбор Г. Сполдинга неправильным, так как *lovage* – это название южно-европейского зонтичного растения, которое не произрастает в средней полосе России, где, вероятнее всего, располагалось поместье Лариных. Действительно, В.В. Даль [3] приводит латинские названия и обиходно-бытовые названия растения *заря*: *Ptarmica vulg.* 'гулявица, кровавник', *Angelica sylvestris* 'кудрявый дягель', *Conioselinum Fischeri* 'болиголов', *Ranunculus acris* 'чечина или лютик луговой', *Veronica latifolia* 'змеиная головка' и др. Выбор растения при прочтении «закрытого» пушкинского текста зависит от устанавливаемых переводчиками внутрикатегориальных связей, когда возможными становятся варианты от простых луговых цветов как *meadow flowers* (O. Emmet, S. Makourenkova) до лютиков в виде *a bunch of buttercups* (R. Clarke) или *buttercups of rue* (James E. Fallen). Возможно, символика цветочного кода англоязычной культуры заставляет Г. Леджера выбрать другой цветок – *forget-me-not* 'незабудка'.

В строфе XXII из главы первой романа «Евгений Онегин» А.С. Пушкин даёт описание *усталых лакеев*, которые *на шубах спят*, и кучеров, ожидающих холодными вечерами возле театра своих хозяев, чтобы доставить их домой после спектакля. У внимательного читателя возникает вопрос о причинах оставления *шуб* на попечении лакеев, потому что в современных театрах принято сдавать верхнюю одежду в гарде-

роб. По мнению В.В. Набокова, строфа оказалась непередаваемой при переводе на английский язык, потому что никто не понял, что на самом деле *шубы*, на которых *лакеи спят у подъезда*, были оставлены на попечение слуг, так как в русских театрах пушкинской эпохи не существовало гардероба. Выход на соответствующий сценарный фрейм связан с зафиксированными в концептуальных структурах памяти данными о конкретной и/или стереотипной ситуации, о её основных функциональных параметрах и свойствах, а также о социальных и стилистических конвенциях и нормах. У Г. Сполдинга *serving-men* 'служащие' получают *sheepskins* 'овчинные тулупы' в собственность. Знаменитый охотник сэра Клив Филлиппс-Уолли / Sir Clive Phillipps-Wolley (1853–1918), охотившийся зимой 1881 года в Крыму и на Кавказе, сделал перевод первой главы пушкинского романа под названием «A Russian Rake» (1883), который был опубликован в 1917 году. Личное знакомство с русскими реалиями позволило ему оставить *shoubas* как кальку от словосочетания *на шубах*. Интерес представляет выбранное им в качестве эквивалента для слова *лакей* существительное *flunkey* 'ливрейный лакей'. Размещение объекта внутри соответствующей лексико-тематической группы определяет выбор направления интерпретации, поэтому Ч. Джонстон выбрал слово *pelisses*, имеющее значения 'длинная мантилья, ротонда; гусарский ментик; женская шубка'. Строфа XXII продолжает оставаться «тёмным» местом: холодными ночами на улице слуги сидят на тулупах / *sheepcoats* (О. Emmet, S. Makourenkova). В переводе М. Хобсон лакеи спят в вестибюле (*in the entrance hall*), а в переводе Р. Кларка лакеи спят на крыльце (*on heaps of furs in the porch*). У Дж. Фалена меха брошены у дверей кареты (*furs at carriage door*), а у Г. Леджера – у ворот (*fur coats at the entrance gates*).

Построение переводческой проекции текста находится под влиянием внешних и внутренних факторов, а сама проекция реализуется с учётом широкого внутреннего контекста. Коммуникативный контекст предусматривает возможность опредмечивания в тексте экстралингвистической ситуации [8]. Опора на СЛОВО предполагает со стороны переводчика как читателя-интерпретатора, принимающего непосредственное участие в диалоге «текст ↔ читатель», не только анализ, но и синтез, так как вторичная категоризация предусматривает выстраивание системы логических операций.

Список литературы

1. Бахтин М.М. К методологии литературоведения // Контекст 1974. М.: Наука, 1975. С. 203–212.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. т. 1:

- А – З. СПб.: ТОО «Диамант», 1996. 800 с.
4. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство-СПб, 1996. 399 с.
 5. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1980. 416 с.
 6. Масленникова Е.М. Образы русских в англоязычной литературе: мифы и гетеростереотипы // Межэтническое общение: контакты и конфликты. М.: ИЯз РАН–МИЛ, 2012. С. 158–170.
 7. Масленникова Е.М. Сотворчество читателя и текста // Понимание в коммуникации 2005. Москва: НИВЦ МГУ, 2005. С. 76–77.
 8. Соловьева И.В. Понятие контекста в его обращении на понимание текста и дискурса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2009. № 7. Вып. 1. С. 110–115.
 9. Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: Наука, 1979. С. 5–147.
 10. Pushkin A. Eugene Onegin: A Novel in Verse. Translated by Vladimir Nabokov. Princeton: Princeton University Press, 1990. Vol. II. Commentary and index. 1056 p.
 11. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. L.; N.Y.: Routledge, 1995. 353 p.
 12. Oxford Dictionary of Foreign Words and Phrases. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. 512 p.

LITERARY TEXT CLOSURE AND WORD FOREGROUNDING IN TRANSLATION

E.M. Maslennikova

Tver State University, Tver

The constructed reality of any literary text is revealed in textual Worlds that involve the establishment of special relationships between the text and its reader. The reader considers the reality of textual events as part of the make-believe worlds. Literary translation is closely linked with sociocultural competence needed for the translator as a primary reader to re-create the world of the target text.

Keywords: *fiction, translation, interpretation, linguoculture, comments.*

Об авторе:

МАСЛЕНИКОВА Евгения Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: e-maslennikova@inbox.ru